

Глава VII. Возражение против нашей системы с точки зрения роста народонаселения

Сущность возражения. — Отдаленность предполагаемых последствий. —

Предположительные средства для противодействия им. — Всомогущество разума. —
Примеры. — Причины одряхления. — Молодость может быть продолжена при бодрости духа,
ясности ума и доброжелательности характера. — Силы, которыми мы владеем, по существу
своему способны развиваться. — Полезность этих указаний уже в настоящее время. — Их
значение для общества в его будущем состоянии.

Один писатель, много размышлявший над вопросом об управлении[16], рекомендует равную
или, по его мысли, общую собственность как наилучшее средство от незаконного
присвоения и бедности, являющихся в настоящее время самыми могущественными врагами
человеческого рода, от тех пороков, которые в некоторых случаях мешают воспитанию, а во
многих — вызывают полное пренебрежение им, от всех волнений страстей, от всякой
несправедливости и эгоизма. Но нарисовав такую картину, казалось бы, столь же
правдивую, сколь радостную, он выставляет довод, все разрушающий и восстанавливающий
безразличие и отчаяние, именно довод о последующем чрезмерном росте народонаселения.

[16] Уоллес. Различные представления о человечестве, природе и судьбе{33}.

Один из самых серьезных доводов против этого возражения заключается в том, что такое
рассуждение предполагает трудности, которые возникнут в слишком отдаленном будущем.
Три четверти поверхности земного шара, которые могут быть населены, остаются
необработанными. Обрабатываемые же площади допускают огромные усовершенствования
в обработке. Население сможет возрастать еще, вероятно, несчетное количество веков, а
земли все еще будет достаточно для прокормления жителей. Кто вообще может
предсказать, как долго сама земля сумеет преодолевать все случайности, заключенные в
планетной системе? Кто может сказать, какие средства представятся для устранения такой
отдаленной трудности, когда впереди еще столько времени для практических мероприятий,
о которых мы сейчас, в наше время, не можем иметь ни малейшего представления? Было
бы, Действительно, нелепо пугаться системы, столь благодетельной для человечества,
только потому, что люди станут слишком счастливы и вследствие этого смогут через

большой промежуток времени оказаться слишком многочисленными.

Но хотя эти замечания составляют достаточный ответ на указанное возражение, но может быть не излишне пуститься в некоторые рассуждения, к которым это возражение естественно приводит. Говоря языком одного из авторов священного писания, земля «во веки пребывает»{34}. Тогда возникает опасность ее перенаселения и потребуются средства для избавления от этого. Если это действительно так, то зачем нам быть беспечными и безразличными и считать, что не существует никаких средств противодействия этому. Если бы мы открыли их, то это укрепило бы прочность и основательность наших перспектив; кроме того, можно с большим основанием предполагать, что то средство, которое будет представлять в будущем регулирующую пружину нашего поведения, может и сейчас уже привести к благотворным изменениям. Дальнейшее надо рассматривать до известной степени как уклонение в область предположений. Если они даже окажутся ошибочными, то та великая система, которую они должны восполнить, останется по здравому смыслу неопровергнутой. Если дальнейшее и не даст нужного средства, то из этого не следует, что такого средства вообще не существует. Великая цель всего исследования останется все же в силе, как бы ошибочны ни оказались предлагаемые дальше рассуждения.

Вернемся еще раз к высокой мысли Франклина{35}, что «когда-нибудь разум приобретет всемогущую власть над материей[17]. Если он будет всемогущ над всякой материей, то почему не над нашим собственным телом? Если разум приобретет всемогущество над материей даже на больших расстояниях, то почему не над той, которая всегда с нами и которая, как бы мы ни были несведущи относительно связи, соединяющей ее с началом разума, всегда останется посредником между этим разумом и внешним миром?

[17] Я имею только один источник, на который могу сослаться, приводя это выражение, именно разговор с д-ром Прайсом. Я счастлив, что после расспросов получил подтверждение со стороны племянника д-ра Прайса и Уильяма Моргана{36}, неоднократно слышавшего его от дяди.

Многие случаи, когда мысль видоизменяет внешний мир, очевидны для всех. Он видоизменяется согласно нашему целевым образом направленному мышлению или намерению. Мы желаем протянуть свою руку, и она протягивается. Мы совершаем тысячу действий того же рода каждый день, и их привычность мешает замечать то, что в них есть диковинного. Сами по себе они не менее удивительны, чем любое из тех видоизменений внешнего мира, которые мы вообще не привыкли замечать. Сознание меняет тело произвольно. Волнение, вызванное каким-нибудь неожиданным словом, письмом, полученным нами, сопровождается самыми необычными переменами в нашем физическом существе, оно ускоряет кровообращение, вызывает сердцебиение, язык отказывается выполнять свои функции, и даже известны случаи, когда чрезмерное страдание или чрезмерная радость вызывали смерть. Все эти проявления волнения мы можем как поощрять, так и сдерживать. При их поощрении могут возникнуть привычные обмороки или привычные же приступы ярости. В сдерживании их заключается основная задача душевного мужества. Усилия сознания при сопротивлении страданию, как это известно из истории Кранмера{37} и Муция Сцеволы{38}, относятся к явлениям того же рода. Можно думать, что такие же усилия, но с иной направленностью содействуют излечению некоторых

заболеваний. Врачи очень часто наблюдают, как силы духа помогают выздоровлению или задерживают его.

Почему зрелый человек вскоре теряет эластичность своих членов, свойственную молодости с ее веселостью, не знающей удержу? Потому, что он отступает от привычек молодости. Он приобретает важную поступь, несовместимую с легкомыслием молодых порывов. Он испытывает все заботы, вытекающие из наших ложных учреждений, они его раздражают, и сердце его не знает больше удовлетворения и радости.

Самое важное свойство для физического здоровья представляет бодрость духа. Каждый раз, как мы становимся мрачны, рассеяны и печальны, наша жизнь сокращается на определенный отрезок времени. Упадок духа сродни смерти. Но бодрость духа придает новую жизнь нашему физическому организму и ускоряет циркуляцию соков. В организме человека, сердце которого спокойно, а воображение живо, ничто не может долго оставаться в застойном состоянии.

Другое важное условие для обсуждаемого нами положения составляет ясная и точная работа ума. Если я хорошо знаю, чего я желаю, то мне будет легко успокоить порывы страдания и ускорить замедленную работу организма. Истинным источником бодрости духа служит доброжелательность. Добродетель обладает прелестью, никогда не увядающей. Душа, постоянно преисполненная добротой и сочувствием, всегда будет бодрой. Человек, постоянно занятый вопросами общественного блага, всегда будет активен.

Значение всех этих рассуждений просто и неопровержимо. Если разум сейчас в значительной степени управляет организмом, то почему он не может расширить свою власть? Если наши произвольные мысли могут расстроить или восстановить физические процессы, то почему мы не сумеем с течением времени как в этом, так и в других случаях дать нашим мыслям, сейчас произвольным, определенное предназначение? Если воля и сейчас может чего-то достигнуть, то почему в Дальнейшем она не сумеет достигать все большего и большего? Нет ни одного разумного Начала, менее сомнительного, чем следующее: если мы обладаем в каком-нибудь отношении большой властью сейчас и если сознание по своему существу способно развиваться, то, исключая какие-нибудь чрезвычайные потрясения в природе, эта власть сможет развиться и обязательно разовьется далеко за пределы, которые мы в состоянии предвидеть. Всего неразумнее и самонадеяннее мысль, что какой-нибудь род способностей совершенно недоступен воздействию человеческого сознания только потому, что сейчас он недоступен нашим наблюдениям. Мы говорим с легкостью о пределах наших способностей, но нет ничего более трудного, чем определение этих пределов. Сознание, по крайней мере с точки зрения развития, беспредельно. Если бы кто-нибудь сказал диким обитателям Европы во времена Тезея{39} и Ахилла{40}, что человек сумеет предсказывать затмения и взвешивать воздух, что он сможет так объяснять явления природы, что не останется места для чудес, измерять расстояние от нас до небесных тел и определять их размеры, то это бы показалось им не менее удивительным, чем возможность найти средства для сохранения человеческому телу вечной юности и силы.

Здесь надлежит сделать еще одно замечание. Если приведенные средства должны привести к полному устранению немощей нашей природы, то хотя мы не можем обещать быстрого и полного успеха, мы, вероятно, сумеем извлечь из них некоторую пользу уже теперь. Они помогут нам сохранять наши силы и позволят жить, пока мы живы. Каждый раз, когда наши мысли охватывают тревога и печаль, наша физическая жизнь нарушается. Каждый раз, когда томление и безразличие овладевают нами, физические функции приходят в упадок. Живость циркуляции крови соответствует той крепости и бодрости, которую мы испытываем.

Поддерживая свои добрые и благожелательные наклонности, мы можем быть уверены, что в согласии с ними всегда сумеем найти что-нибудь привлекающее наш ум и занимающее его.

Как часто случается, что неожиданная добрая весть рассеивает недомогание. Как часто мы замечаем, что такие происшествия, которые для человека бездеятельного служат причиной заболевания, людьми занятыми и активными забываются и устраняются из сознания. Для нас, несомненно, очень важно ознакомиться со значением в этом отношении сознательных намерений, навыков и настойчивости. Я прохожу расстояние в двадцать миль в состоянии пассивности и неопределенности намерений и чувствую крайнюю усталость. Я прохожу двадцать миль, полный энергии, с определенными целями, поднимающими мой дух, и прихожу таким же свежим и живым, каким я начал путь. Мы заболеваем и умираем, вообще говоря, потому, что мы согласны подвергнуться этим случайностям. При теперешнем состоянии человечества такое согласие в известной степени неизбежно. Для того чтобы единодушно отвергать его, надо иметь более твердые намерения и ясные взгляды. Хотя бы не всегда, но порой мы можем отказать в таком согласии.

Теперь приложим эти соображения к вопросу о народонаселении. Ум развитой и сильный имеет склонность делать нас равнодушными к чувственным наслаждениям. Сейчас они нравятся своей новизной, иначе говоря, потому, что мы не умеем их правильно оценивать. Их ослабление по мере приближения старости косвенно объясняется тем, что организм отвергает их, но непосредственная и основная причина такого ослабления заключается в том, что они больше не возбуждают жара и страсти сознания. Хорошо известно, что возбужденное воображение может удвоить и утроить половую секрецию. И сейчас привлекательность чувственных наслаждений обманчива. Мы скоро начинаем презирать чисто животные отправления, которые, если отвлечься от обольщений сознания, всегда остаются почти одинаковыми; мы начинаем ценить их только в тех случаях, когда их возвышает личная привлекательность или умственное превосходство. Мы ошибочно предполагаем, что для взаимного согласия и общения умов нет лучшего пути. Проявив немного внимания, мы убедились бы, что этот путь ложен и чреват опасностями и разочарованиями. По какой причине могу я уважать другого человека или быть уважаемым им? Только потому, что уважение им заслужено, и только до тех пор, пока оно заслужено.

Поэтому люди, которые будут существовать к тому времени, когда земли станет недостаточно для более многочисленного населения, перестанут плодиться, ибо их к тому ничто не будет более побуждать, ни заблуждения, ни обязанности. В дополнение к этому они, может быть, приобретут бессмертие. В целом это будет народ, состоящий из зрелых людей, а не из детей. Поколения не будут сменять поколения, и истина не должна будет на исходе каждых тридцати лет возобновляться. Не будет войн и преступлений, ни

отправления правосудия, как это теперь называется, не будет правительства. И это произойдет не в очень отдаленном времени; не исключается, что кто-нибудь из живущих теперь увидит осуществление части этих предсказаний. Но помимо того, не будет болезней, страданий, печали, злопамятства. Каждый человек будет ревностно стремиться к общему благу. Ум будет активен и энергичен и никогда не будет знать разочарований. Люди будут наблюдать постепенные успехи добра и блага и будут знать, что если порой их надежды не осуществляются, то самая эта неудача составляет необходимую часть прогресса. Люди поймут, что сами они представляют звенья одной цепи, что каждый приносит определенную пользу, и не останутся равнодушными к ней. Они будут стремиться познать Добро, которое уже существует, те способы, которыми оно было достигнуто, и еще больше предстоящее им добро. Им никогда не потребуются побуждения для действия, потому что, хорошо понимая и глубоко любя общее благо; они не смогут не содействовать ему{41}.

Версия #1

Зверобой создал 1 апреля 2025 14:58:14

Зверобой обновил 1 апреля 2025 14:58:43